

ИОГАННА ГОТЛИБА ФИХТЕ,
доктора философии и профессора в Йене,

АПЕЛЛЯЦИЯ К ПУБЛИКЕ*

ПО ПОВОДУ АТЕИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ПРИПИСАННЫХ ЕМУ КОНФИСКАЦИОННЫМ РЕСКРИПТОМ В КУРФЮРШЕСТВЕ САКСОНИЯ,

сочинение, которое просят прочитать, прежде чем конфисковать¹

[ВВЕДЕНИЕ]

Из «Национальной газеты», 1798, вып. 51

Саксония

*В отношении университетов Лейпцига и Виттенберга
был издан следующий рескрипт
курфюрста Саксонии:*

Фридриха Августа, Божией милостью курфюрста и прочая. Досто-
почтенные, высокоученые, возлюбленные, благочестивые и вернопод-
данные мужи! Из-за содержащихся в первой и второй статьях перво-
го номера 1798 г. философского журнала, издаваемого в Йене профессорами
Фихте и Нитхаммером², *атеистических* высказываний мы распорядились
конфисковать данное издание. А поскольку мы питаем обоснованное дове-
рие к ученым наших университетов в том, что они станут использовать любую
возможность, которую дает им их должность и влияние на молодежь и публи-
ку, чтобы настойчиво, рьяно и достойно защищать *поруганную религию*, и что
они повсюду будут заботиться об укреплении, распространении и обоснова-

* Перевод с немецкого и примечания *Антоня Иваненко*.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00746 «Философия и теология в немецком классическом идеализме: история взаимодействия и взаимопроникновения».

- 1 Первое издание данной статьи в виде отдельной брошюры вышло в январе 1799 г. в издательствах Котта (Тюбинген) и Габлера (Йена и Лейпциг). Уже весной того же года было выпущено второе издание. В том же 1799 г. вышло несколько не авторизованных переизданий данной статьи.
- 2 Речь идет о статьях: И. Г. Фихте «Об основании нашей веры в Божественное мироправление» (см. рус. пер.: Фихте 2012) и Ф. К. Форберга «Развитие понятия религии» (см.: Forberg 1991), послуживших толчком к началу так называемого «Спора об атеизме». Статьи были опубликованы 24 октября 1798 г. в одном номере издававшегося Ф. И. Нитхаммером и И. Г. Фихте «Философского журнала общества немецких ученых» (том 8, первая тетрадь). Фридрих Иммануэль Нитхаммер (1766–1848) — немецкий философ и теолог. Ф. К. Форберг (1770–1848) — немецкий философ и филолог.

нии разумной веры в Бога и живой убежденности в истине христианства, то данным рескриптом мы нисколько не препятствуем вам в этом деле. Дрезден, 19 нояб. 1798 г.

Генрих Фердинанд ф. Цедвиц
Карл Готлиб Кюн³

Первая статья в упомянутом первом номере написана мною, в ней я исследовал основание нашей веры в Бога. Я выдвинул положения, которые идолопоклонническая и атеистическая партия среди нас назвала атеистическими, следовательно, это обвинение в атеизме направлено против меня.

И все же в Саксонии намерены запретить написанные или лишь изданные мной сочинения. Они уже запретили многие книги и еще запретят многие, и нет ничего постыдного в том, чтобы оказаться в этом ряду. Я пишу и издаю лишь для тех, кто хочет читать наши сочинения, у меня нет желания принуждать кого-либо к этому. И я совершенно равнодушен к тому, если кто-то в отдельности или правительство от лица таких людей уверяет, что ему не нравятся мои сочинения. Если же отдельные люди имеют иное мнение, чем их правительство, то они могут разбираться с этим так, как им угодно, — это не мое дело.

То есть речь вовсе не о запрете, но о его основании. Они выдают меня за атеиста. Это уже мое дело — против этого нужно защищаться и я буду сам защищать себя.

Спокойно переносить обвинение в безбожии — это само по себе уже законченное безбожие. Тот, кто говорит мне: «Ты не веришь в Бога», говорит мне: «Ты не способен на то, что есть собственный признак и отличительная особенность человечности. Ты — не более чем животное». Я не удостою его соображения ответом и тем самым скажу ему: «Ты не способен судить о такого рода предметах и не достоин обучения суждению о них. Такого рода предметов для тебя вовсе не существует». И тем самым я низведу его до всего лишь животного. Я не мог промолчать после того, как стало известно, что это обвинение достигло моих ушей, ведь таким образом я бы выказал презрение к своей эпохе, которого я не испытываю и испытывать которое мне воспрещает моя совесть.

Если бы я промолчал, я бы отказался от всей сферы своей деятельности. Я являюсь профессором университета, относящегося к нескольким герцогствам, и его академию посещают также многочисленные иностранцы⁴. Я — автор

3 Фихте полностью приводит текст рескрипта Фридриха Августа (1750–1827), курфюрста Саксонии с 1763 г. (под именем Фридриха Августа III), а с 1806 г. и до конца жизни — короля Саксонии (под именем Фридриха Августа I). Рескрипт был опубликован в «Национальной немецкой газете» 20 декабря 1798 г.

4 Йенский университет относился к четырем саксонским герцогствам, самым крупным и вносившим наибольшие суммы на содержание университета являлось Веймарское.

философских сочинений и надеюсь познакомить публику с некоторыми новыми идеями. В Германии должно было бы погаснуть всякое почтение к священному и наша нация должна была бы действительно быть такой, каким они считают меня, если бы христианские князья, отцы и матери, которые знают, что надежда их земель, сыновья, находятся в этой академии и приступили к изучению моей философии, не известной им в ее основании, не были потрясены до глубины души, если бы они отныне не стали бежать от меня и моих сочинений как от чумы. Тот, кто говорит мне: «Ты — атеист», парализует и уничтожает меня безвозвратно, если встречает доверие. Я обязан успокоить напуганных, обязан защитить область своей деятельности. Мой долг воспрещает мне покорно принять паралич.

Я не мог промолчать в ответ на это обвинение, не навлекая на себя политические последствия, не подвергая явной опасности свое гражданское существование, свою свободу, может быть, свою жизнь. Этот запрет не был, как некоторые другие, случайным жребием, он — следствие продуманного, медленно и осмотрительно осуществленного плана⁵. Порядочный человек, правда, не обращает внимания на тайные интриги и городские сплетни, но после того, как они привели к публичным происшествиям, наступает момент предать публичности их самих, затем чтобы события выступили в их взаимосвязи. Итак, мне очень хорошо известно, что уже три месяца и более партия, считающая преследование меня видом богослужения, в своей знаменитой резиденции, расположенной рядом со мной⁶, держала совет об этой статье, бормотала, ругалась, бушевала; сначала не столь громко, затем, осмелев из-за тайком приобретенного сочувствия, громче и решительнее. Теологи, известные в качестве просвещенных, благонамеренных, заявили, что они не знают, что дальше и думать о властях моего княжества, если я в *этот раз* не получу отставки. Другие, в случае если их надежды все же будут обмануты, говорили об имперском прокуроре и имперском парламенте⁷. Первый шаг, сделанный ими на этом пути, им удался, они сумели добиться публичного запрета журнала, публичного поругания этой статьи как атеистической. Я не могу надеяться на то, что эти герои удовольствуются первой победой и станут почивать на лаврах. Или я их не знаю, или они, если их не лишить возможности, совершат

Поскольку население указанных герцогств было крайне малочисленно, основную массу студентов составляли подданные других государств, в первую очередь немецкоязычного культурного пространства.

5 Издатель Габлер объявил о выходе содержащего статью Форберга и Фихте номера журнала 24 октября 1798 г., а уже 29 октября Дрезденская консистория (исторически в протестантской церкви — орган церковного управления в отдельном княжестве) подала двору Саксонского курфюрста отношение с указанием на статью Форберга. В начале ноября вышло из печати сочинение «Письмо отца своему сыну-студенту об атеизме Фихте и Форберга», представлявшее собой по сути дела донос на последних.

6 По всей видимости, Фихте имеет в виду столицу Саксонии Дрезден.

7 В священной римской империи имперский прокурор — государственный обвинитель в делах особой важности.

все заявленные шаги, как они проделали это с шагом первым, и успокоятся не раньше, чем достигнут своей цели. Они исчерпали всю ярость и брань, которой развязал руки этот запрет журнала, — они его превзошли и распространили запрет, касающийся лишь *первого* номера журнала, публично и на *второй* номер⁸, а посредством тайных интриг — и на журнал в целом.

Ванини⁹ вытащил из костра, на котором он как раз и должен был быть сожжен как атеист, соломинку и сказал: «Если бы я был столь несчастлив, что сомневался бы в существовании Бога, то эта соломинка меня бы переубедила». Бедный Ванини, которому не было позволено сказать слово до того, как его приведут на площадь! Я намерен высказаться прежде, чем сложат костер для меня, я хочу, пока я еще могу рассчитывать на слушателей, высказаться настолько громко, горячо и сильно, насколько я лишь способен. Мой долг обязывает меня сделать это. Я намерен спокойно ожидать того, какое действие произведет мое высказывание. Это спокойствие придает мне моя вера.

Мой личный успех мне полностью безразличен. Я знаю и чувствую с возвышающей душу силой, что мое дело — правое, но моя персона не значит ничего. Если я погибну в этой борьбе, то это означает, что я пришел слишком рано и воля Божья заключается в том, что я должен погибнуть. У него много слуг и он, когда придет время, без сомнения, даст делу, которое есть его дело, победить. Когда он это сделает и произойдет ли это с моей помощью или с помощью кого-то другого, об этом я ничего не знаю и знать не должен, я знаю лишь то, что я обязан защищать и свою персону до тех пор, пока могу, поскольку для меня победа правого дела в любом случае связана с деятельностью этой персоны. Но даже если бы я мог знать, что я предназначен к тому, чтобы умножить собой бесчисленное множество жертв, павших за истину, то я должен бы был напрячь даже свои последние силы для того, чтобы донести до публики основоположения, которые могли бы спасти и сохранить по меньшей мере тех, кто после меня стал бы отстаивать то же самое дело. Высшая свобода и верность истине с давних пор прорастает среди руин мучеников за истину. В каждую эпоху большинство невежественно, слепо и ожесточено против нового наставления. Каждая эпоха противилась бы тем, кто оспаривает старые заблуждения, точно также как эпохи предыдущие, если бы только не стыдилась делать то, что громко порицала у предшественников. Современники Иисуса воздвигали пророкам памятники и говорили: «Если бы они явились в наше время, мы не убили бы их!»¹⁰, и так поступает каждая эпоха вплоть до сегодняшнего дня по отношению к мученикам эпох предшествующих. Каждая полностью права в том, что она не стала бы преследовать *тех же* персон, если бы они возвратились, поскольку они большей частью стали ее несомненными

8 До Фихте доходили слухи об этом, однако в действительности такой запрет не был принят.

9 Джулио Чезаре Ванини (1585–1619) — итальянский философ и теолог, казнен по приговору суда инквизиции.

10 Евангелие от Матфея, гл. 23, стихи 29–30.

святыми, она преследует лишь тех, кого не хочет признать несомненными. Но здесь нужно отдать эпохам справедливость — они все же постепенно научились действовать более осмотрительно и сдержанно.

Если когда-нибудь и было необходимо выдвинуть подобные основоположения для защиты свободы совести и вероисповедания, то теперь это необходимо в высшей степени. Если мы теперь, на этом месте, не защитим нашу свободу духа, то очень скоро может стать поздно. Стремление к свободному исследованию подавляется не больше, чем прежде, — там и сям, в связи с сиюминутным настроем, это делается исходя из основоположений, систематически. Кто из моих читателей не слышал, как утверждают, проповедают, внушают основоположение, принесенное несчастьями времени: «Свобода собственных исследований угрожает безопасности государств. Самостоятельное мышление является источником всех гражданских беспорядков. Вот, вот то место, на котором зло может быть вырвано с корнем»? «Единственная несомненная истина, над которой не может возвыситься никакой человеческий дух, которая не нуждается ни в какой проверке, разъяснении и изучении, давно известна, она сохранена в некоторых символах веры, дело самостоятельного мышления уже давно завершено для человеческого рода», — вот как должно говорить! Все человеческие духовные предприятия должны ограничиваться тем, чтобы вызубрить эту истину, повторять ее неизменно наизусть, и повторять и повторять, в таком случае троны будут тверды, алтари не будут шататься и ни один геллер¹¹ не будет потерян для оплаты ритуальных услуг.

Они собираются следовать этому основоположению серьезнее, чем когда-либо. Для начала, чтобы напугать нерешительность эпохи, нужно выбрать большое, в достаточной мере заполняющее слух слово, такое как атеизм, и представить публике столь редко переживаемый ею спектакль о богоотступнике. Как нарочно, им в руки попался я со своей статьей. Дайте им только разделиться со мной, и они пойдут все дальше и дальше, не пройдет и десяти лет, как малейшее отклонение от малейшей фразы «Формулы конкордии»¹² будет вызывать не меньше шума, чем мой мнимый атеизм сейчас.

Могут встретиться читатели, хотя и доброжелательные, но не знакомые как следует с человеческим сердцем и своей эпохой, или легкомысленные и неспособные на серьезное размышление, которые возьмут в руки мое сочинение и продолжат его читать с подозрением, что я придаю слишком большое значение незначительному делу и произвожу много шума из ничего или почти ничего. Не говоря уже о том, что обвинение в безбожии, вне зависимости от обстоятельств, вообще нельзя считать незначительным, в данном случае обстоятельства таковы, что опасность угрожает всей моей дальнейшей деятельности, моей гражданской безопасности, всеобщей свободе совести.

11 Германская денежная единица в виде монеты.

12 «Formula concordiae» — хронологически последнее сочинение, определившее вероучение лютеранской церкви. Была написана в 1577 г., завершив споры различных школ лютеранского богословия.

Уже сейчас — я пишу эти строки чуть больше двадцати дней после обнародования этого запрета — безо всякого моего содействия и знания об этом можно услышать неодобрительные по отношению к моим обвинителям высказывания. Если бы я продолжал упорно молчать, можно было бы услышать и больше таких голосов, ведь публичное, торжественное, исходящее из высоких правящих кругов обвинение в атеизме неслыханно, чудовищно, повод к нему так явен и полностью безоснователен, и кроме того еще не все экземпляры моей статьи изъяты из обращения, так что в Германии еще можно сравнить ее с изданным в ее отношении рескриптом¹³. При таком ходе событий мои противники вскоре сами будут вынуждены защищаться, продолжать интриговать и плести заговоры, втайне укреплять свою партию против меня, настаивать против меня власть предержажших, извращать мои слова до тех пор, пока они за меня не скажут того, что хотели бы услышать от меня, выдумывать и распространять ложь обо мне, короче, стремиться полностью очернить меня, чтобы рядом со мной выглядеть немного белее. Или, если бы это было возможно, что я, к чести своей эпохи считаю невозможным, чтобы никто из всех свободных мыслителей не сказал обо мне доброго слова и таким образом моих противников больше ничто не беспокоило извне, если бы это было возможно, что я считаю еще менее возможным, чтобы изнутри их больше не беспокоила их собственная горячка и они могли бы насладиться достигнутым в этом деле триумфом, то какими должны были бы стать наши взаимоотношения в будущем?

В статье, столь сильно настроившей моих противников против меня, мои основоположения религии лишь намечены, она была написана по определенному поводу, я считал необходимым сопроводить ею статью другого философского писателя, напечатанную сразу после нее¹⁴. Я должен еще далее развить, еще глубже обосновать, еще точнее применить свои основоположения. Смогут ли они промолчать при этом без того, чтобы публично признаться в своей прежней лжи? Не придется ли им после того, как нынешние, как они выражаются, мягкие меры меня не остановили, отложить в сторону их умеренные средства дрессуры? Не придется ли им, чтобы быть последовательными, применить более жесткие и предпринять все, уже столь определенно оглашенные ими шаги, один за другим? Таким образом, мне придется полностью прекратить высказываться в печати о подобных предметах, если я хочу примириться с ними.

Но только ли о подобных предметах? Сильно заблуждается тот, кто считает, что им есть дело только до моего мнимого атеизма — им есть дело до всей моей философии, до всей новейшей философии, и в этом они полностью правы и демонстрируют, что хорошо понимают, кто их истинный враг; этот

13 Имеется в виду приведенный в начале статьи саксонский рескрипт. В большинстве немецких государств журнал не был запрещен и конфискован.

14 Имеется в виду статья Ф. К. Форберга «Развитие понятия религии».

ложный атеизм — лишь предлог. В сердечной радости они выдали свою тайну, выкрикивая в ликованиях: «Слава Богу, наконец-то ясно, куда направлена новейшая философия, к чистому атеизму!» Моя философия, весь мой способ мышления во всех его частях разом объявлен ими учением, с необходимостью приводящим к атеизму, и они, последовательным образом, не могут воспринять никакого его ответвления иначе, чем все остальные, в силу своего положения они вынуждены подвергаться преследованию все, что бы я ни сделал. Таким образом, я не могу отдать в печать ничего, если я хочу примириться с ними.

Но разве печать — единственный способ, каким я сообщаю свои убеждения? Разве я не университетский преподаватель? О, они не заставят себя ждать! У меня еще звенит в ушах от постоянных литаний: «Как горестно, что этот искуситель увлекает столь многих молодых людей в пучину разврата!» С тех пор, как известно, что они знают, что я — университетский преподаватель, они не могут остановиться, ведь все должны поверить, что к преследованию меня их побуждает слава Божья и забота о благе ближнего, они не могут остановиться до тех пор, пока мой голос не умолкнет в аудитории, так же как и в печати.

Но живут ведь в обществе, с помощью бесед можно совращать пусть и не столь много душ, но все же душ, а они стоят на страже всех. Они, таким образом, должны, если только они последовательны, изгнать меня даже и из человеческого общества, и только на этом они, согласно их основоположениям, могут успокоиться разумным образом. Таким образом, даже если бы самое неожиданное стечение обстоятельств и еще менее ожидаемое мягкосердечие моих противников позволило им простить прошлое, то все же их честь, их достоинство, весь их внешний авторитет, их способность на самообман неразрешимо связаны с тем, что они могут простить меня лишь на том условии, что я совершенно исчезну с литературных подмостков и из общества. Оказаться в таких отношениях с многочисленной, смелой, политически весомой партией — кто бы посчитал это незначительным и положением, в котором можно оставаться спокойным и на которое можно взирать спокойно?

Кто может посчитать мои предсказания и опасения преувеличенными, если он лишь бросит взгляд на события прошлого?¹⁵ И тогда дело не начиналось, ни в старые времена — с аутодафе, ни в новейшие — с лишения должности, дома и крова с помощью имперского обвинителя. Первыми всегда были приказы о конфискации сочинений, и редко они были столь строгими, как в отношении нашего журнала — чтобы сочинение было названо *атеистическим*, чтобы его продажа угрожала штрафом и тюремным — повторяю — тюремным наказанием. Если бы несчастные жертвы истины не столь равнодушно реагировали на первые нападки своих противников, им бы не пришлось ожидать от них того, чего не стоит ожидать от врагов истины — человечности и разума, дело бы,

15 Последнее сожжение ведьмы состоялось в Германии в 1751 г.

пожалуй, не зашло так далеко, как оно зашло. Бардт, в остальном не достойный того, чтобы пострадать за истину, погубил себя своим легкомыслием¹⁶. Лессинг под защитой великодушного и просвещенного князя оказал мощное сопротивление своему немилосердному обвинителю Гёцу, который тоже говорил об имперском обвинителе, и его противники устыдились и смолкли¹⁷.

Итак, защитить себя я обязан, время пришло, и я намерен защищаться.

I

Они говорят, что мое учение атеистское. Что же, собственно, содержит это атеистическое учение и что утверждается о религии и вере в Бога в той ославленной статье в особенности?

Строго говоря, для своей защиты мне не нужно было бы сделать ничего другого, кроме как еще раз напечатать эту статью и попросить прочесть ее не невнимательно. Свою защиту она полностью содержит в себе самой и сегодня мне нечего к ней добавить. Я намерен сказанное там выразить просто другим способом, поскольку в журнале я обращался к философской публике, а сейчас — к смешанной.

Что истинно, что благо? — Ответы на эти вопросы должна стремиться дать любая философская система, они являются целью также и моей системы. В первую очередь, эта система, вопреки тем, кто отрицает то, что в человеческом познании есть хоть что-нибудь достоверное, утверждает, что есть нечто истинное и благое. Вопреки тем, кто хочет объяснить все наше познание из свойств находящихся вне нас вещей, она показывает, что вещи для нас суть лишь постольку, поскольку мы их сознаем, и поэтому мы с помощью нашего объяснения сознания никогда не сможем добраться до независимо от нас имеющих вещей. Она утверждает, и в этом заключается ее сущность, что посредством фундаментального свойства и исходных задатков человечности вообще устанавливается определенный способ мышления, к которому, хотя он и не встречается в действительности с необходимостью у каждого человека и не может быть доказан каждому, можно, все же, считать способным просто каждого. Есть нечто, что останавливает и связывает свободный полет мышления, на чем должен успокоиться любой человек, что заключено в нашей собственной природе, но вне самого мышления, поскольку, что касается

16 Карл Фридрих Бардт (1740–1792) — немецкий теолог. В 1768 г. был изгнан с поста профессора библейской теологии в Лейпциге, затем, в 1775 г. — с поста профессора и проповедника в Гиссене. В 1778 г. имперский совет признал его не имеющим права занимать духовные должности и вынес запрет на публикацию его сочинений, после чего он перебрался в прусский университет в г. Галле, где читал лекции. Однако и там был осужден и провел год или полгода в тюрьме (1788–1789 гг.).

17 Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781) — крупнейший немецкий поэт и писатель эпохи Просвещения. Иоганн Мельхиор Гёце (1717–1786) — лютеранский теолог в Гамбурге. Их полемика вокруг изданной Лессингом работы Германа Эммануэля Реймаруса «Фрагмент неизвестного» стала одним из самых громких религиозных споров XVIII столетия в Германии.

последнего, необходимо согласиться со скептицизмом в том, что спекуляция не в состоянии остановиться посредством своих собственных законов. Об этом в той оболганной статье говорилось следующее: «Здесь (в осознании моего морального назначения) заключено то, что полагает пределы полету рассуждения, в противном случае необузданному, что связывает ум, потому что связывает сердце, здесь — точка, объединяющая мышление и воления в Одно и вносящая гармонию в мое существо. Я мог бы, разумеется, продвигаться дальше, если бы хотел привести себя в противоречие с самим собой, ведь для рассуждения в нем самом нет имманентной границы, оно свободно уходит в бесконечность, и оно должно быть способным на это, ведь я свободен во всех своих выражениях, и только я сам посредством воли могу положить себе пределы»¹⁸.

Наша философия ищет это связывающее свободное мышление, превращающее наши представления в познание и распространяющее достоверность на всю область нашего сознания, и находит следующее — посреди дел и радостей жизни из груди каждого не совсем благородного человека часто вырывается вздох: «Не может быть, чтобы я действительно был предназначен для такой жизни! О! Мне должно быть доступно совсем другое состояние!» Один святой человек высказывает это с особенной силой: «Даже тварь хотела бы стремиться вместе с нами и не прекращать вздыхать о том, чтобы освободиться от службы суете, ведь она подчинена ей против своей воли»¹⁹. Можно говорить что угодно, но это пресыщение преходящим, тоска по высшему, лучшему и непреходящему в душе человека неискоренима. Так же неискореним в ней голос, говорящий, что нечто есть долг и обязанность, и это то, что должно быть сделано только потому, что это — обязанность. «Пусть со мной будет то, что будет, — говорит в таком случае загнанный в себя человек, — я намерен исполнить свой долг, чтобы меня нельзя было бы в чем-либо упрекнуть!» Ставшие ему отвратительными человеческие дела лишь посредством этого воззрения вновь становятся для него переносимыми. «Ведь долг требует того, — говорит он себе, — чтобы я продолжал жить, всемерно и с радостью осуществляя в жизни то, что в моих силах. И сколь мало бы я не ценил эту жизнь ради нее самой, но ради долга она должна быть для меня священной»²⁰.

Настроение при осознании намерения исполнить свою обязанность только потому, что она — обязанность, объясняет нам эту чудесную тоску. Когда долг осуществляют ради него самого, поднимаются над всеми чувственными побуждениями, намерениями и целями, нечто делают не затем, чтобы в мире случилось то или это, но только и исключительно для того, чтобы был осуществлен долг и голос, который мы слышим внутренним слухом, был удовлетворен.

18 И. Г. Фихте «Об основании нашей веры в божественное мироправление» (Фихте 2012, 302).

19 См.: Послание к римлянам, гл. 8, стихи 19–22.

20 Ср. этот абзац с [Введением] гегелевской работы «Вера и знание»: Гегель 2021, 157–170.

Хотя посредством этого сознания тоска и не удовлетворяется, но болезненное чувство, в котором она выражается, устранено; стремление не получает удовлетворения, но приходит успокоение и внутренний мир. Эта тоска требует освобождения от пут чувственности вообще, во *всем* нашем состоянии, от которого в плане *действия* нас на самом деле освобождает исполнение долга. Посредством упомянутых задатков для нас открывается совершенно новый мир. Без них все думы и чаяния человеческого сердца направлены лишь к чувственному удовольствию, самое большее — к господству нашего безусловного своеволия, тем самым — все еще к чему-то данному в опыте и зависящему от случая. Посредством них мы приобретаем высшее существование, не зависящее ни от какой природы и основанное лишь в нас самих, посредством них мы оказываемся в ряду, который очень точно был назван сверхчувственным.

С сознанием необходимости исполнения долга ради него самого непосредственно связано новое: непоколебимая уверенность в том, что посредством освобождения своей *воли* от чувственности становятся по меньшей мере достойными освобождения от нее в отношении и *всего своего состояния*, и в том, что после того, как сделано то, что зависит от нас, то, что не в нашей власти, постепенно произойдет само собой.

Это сознание высшего, выше всякой чувственности, назначения, соответствующей долгу, необходимой взаимосвязи исполнения последнего с достоинством и постепенным осуществлением первого, которое найдет в себе всякий образованный человек, не может происходить из опыта, ведь оно поднимает нас над всяким опытом. Мы должны найти его в нашей собственной, не зависящей от любого опыта сущности, мы должны непосредственно знать его постольку, поскольку знаем нас самих. Оно достоверно в той же мере, в какой достоверно наше собственное существование. И не зависит ни от чего, кроме как от самого этого существования.

Это сознание, которое в самонаблюдении встречается в нас как бы прерывистым — каждая упомянутая часть в отдельности, как особенный факт, в моей системе полагается в необходимую взаимосвязь. Эта система показывает, что целью всего нашего существования и всех наших действий, ни в какой момент времени, правда, не достигаемой, но непрестанно преследуемой, является то, чтобы разумное существо стало абсолютно и полностью свободным, самостоятельным и независимым от всего, что не есть сам разум. Разум должен быть достаточен для себя самого. Это наше назначение именно и сообщает нам о себе той тоской, которая не может быть унята никаким конечным благом. Эту цель мы просто должны, просто обязаны, если только хотим быть верны себе, ставить перед собой. Что мы должны делать на своем месте, чтобы добиваться ее осуществления, и в какой мере ее достижение зависит от нас — этому нас также учит непосредственно повелевающий, неумолкаемый и неложный внутренний голос совести. Совесть есть то, что в любой жизненной ситуации, если только мы к ней обратимся, решительно ответит нам, что в этой ситуации представляет собой наш долг, то есть что мы в ней должны сделать для

содействия достижению этой цели всякого разума. Мы просто должны желать достижения этой цели, это — единственное неизменное определение нашей воли. Особенный, определенный временем и ситуацией долг, несмотря на то что он кажется обиденному сознанию чем-то непосредственным, является нашей целью, как устанавливает основательное философское исследование всего сознания, только как часть и средство для конечной цели. — Из этого становится ясна непоколебимая уверенность того, кто творит правые дела ради совести, в том, что он приближается к осуществлению своей цели. Он неопровержимо ощущает, даже если он и не развил отчетливого мышления, что такое умонастроение именно и есть условие и средство его удовлетворения и освобождения, и что посредством него он уже вступил в ряд, к которому направлено его стремление. — Я назову эту абсолютную самодостаточность разума, это полное освобождение от зависимости *блаженством*, под этим словом я буду подразумевать лишь описанное, но вовсе не какое-либо удовольствие, какого бы рода оно не было.

Утверждаемую взаимосвязь можно теперь описать следующим образом: я с необходимостью желаю своего блаженства, не как состояния удовольствия, не потому что я жажду блаженства, а потому что оно просто подобает разумному существу, и я не могу отказаться от этого требования без того, чтобы отказаться от себя самого, от своего истинного бытия, и чтобы признать себя за голую видимость и призрак. В качестве единственного, но неложного средства достижения блаженства моя совесть демонстрирует мне исполнение долга, не так, что вообще происходит соответствующее долгу, но так, чтобы это происходило исключительно ради долга. В свою очередь, я не могу сомневаться в этом возникшем в моей душе целебном порядке без того, чтобы отказаться от самого себя, несмотря на то, что я, правда, не понимаю, но и не нуждаюсь в том, чтобы понимать то, как и каким способом это сообразное с долгом умонастроение могло бы привести меня к моей необходимой цели. Короче, это так, это просто так, это так без всякого доказательства; я знаю это непосредственно, настолько достоверно, насколько я могу знать хоть что-нибудь, насколько достоверно я знаю себя самого. Для меня неизбежна вера в то, что есть правило и твердый порядок (я, смертный, вынужден, пожалуй, мыслить сверхчувственное посредством понятий, заимствованных из чувственного мира), согласно которому чистый моральный способ мышления с необходимостью приводит к блаженству, в то время как чувственный и плотский способ мышления неотвратимо лишает блаженства; порядок, который необъясним для меня и который прямо противоположен единственному мне известному порядку чувственного мира, поскольку в последнем успех зависит от того, *что* происходит, а в первом — от того, *из какого умонастроения* это происходит; порядок, в котором постигнуты все чувственные существа, учтена моральность всех, а посредством нее — и все блаженство; порядок, член которого есть я сам и из которого проистекает то, что я пребываю именно на этом месте в системе целого и оказываюсь в ситуации, в которой становится долгом действовать

тем или иным способом, без умничания в отношении последствий, ведь все рассчитано на следствия не в зримом, а в незримом и вечном мире, который вследствие этого порядка, согласно неложным обещаниям внутреннего моей души, не может быть никаким иным, кроме как блаженным. «Тем, что я схватываю эту, положенную мне посредством моей собственной сущности цель (блаженство), — говорю я в ославленной статье, — и делаю ее целью моих действительных поступков, я одновременно полагаю возможным ее достижение посредством действительных поступков. Эти два положения тождественны, ведь “я ставлю нечто себе целью” означает — “я сделаю его действительным когда-либо в будущем”, ведь в действительности необходимым образом соплагается возможность. Я должен нацелиться на первое, на достижение той цели, если только я не хочу отречься от самой своей сущности; я должен, следовательно, принять также и второе, ее достижимость: ведь здесь, собственно, нет чего-то первого и чего-то второго, есть лишь абсолютно Одно; они на самом деле не два акта, но один и тот же неделимый акт души»²¹.

То, что человек, утверждающий достоинство своего разума, опирается на веру в этот порядок морального мира, в это сверхчувственное, божественное, бесконечно возвышающееся над всем преходящим, рассматривает любую из своих обязанностей в качестве распоряжения этого порядка, любое его следствие — как благое, то есть как ведущее к блаженству, и с радостью подчиняется ему, — это абсолютно необходимо и есть существенное религии. То, что он, когда ему нужно общаться об этом с другими, сводит воедино и фиксирует различные отношения этого порядка к себе и своим поступкам в понятии существующего существа, которое он, возможно, называет Богом, — это следствие конечности его рассудка. Но в этом нет вреда, если он не использует это понятие ни для чего более, кроме как именно для сведения воедино непосредственно открывающихся в его душе отношений сверхчувственного мира к нему. В таком случае он не делает ничего иного, кроме того, что делаем мы все, когда сводим воедино некоторые определения нашего чувства в понятие имеющегося вне нас холода или тепла, несмотря на то что ни одно разумное существо не станет утверждать, что для него такое тепло и такой холод имеют вне зависимости от этих отношений к его чувству. Отношение таких мысленных вещей к нашей чувственной вещи, отношение сверхъестественного миропорядка к нашему нравственному чувству, это — первое, просто непосредственное; понятие возникает позже и опосредовано первым. Попытка изменить отношение, сделать чувство зависимым от понятия, это, в первом случае, — слабость головы, а во втором — слабость сердца. Над тем, кто готов бы был поверить в то, что он мерзнет или ему жарко, не раньше, чем ему в руки для разъятья дали бы кусок чисто субстанциального холода или тепла, несомненно, смеялся бы любой разумный человек; а тот, кто требовал бы

21 И. Г. Фихте «Об основании нашей веры в божественное мироправление» (Фихте 2012, 303–304).

понятие о сущности Бога, созданное вне наималейшей связи с нашей моральной природой и ни в чем от нее не зависящее, никогда не знал Бога и чужд жизни, проистекающей из него. Последнее утверждение я, как я надеюсь, докажу ниже самым несомненным образом.

Моральность и религия суть абсолютно Одно. Обе суть ухватывание сверхчувственного, первая — посредством действия, вторая — посредством веры. Если человечности где-то и повредило то, что совершенная философией дистинкция воззрения была принята за действительное различие сути дела, то в этом вопросе. Религия без моральности — это суеверие, она обманывает неблаженного ложной надеждой и делает его неподдающимся никакому исцелению. Без религии тщетная мораль может, пожалуй, стать внешним почтенным образом жизни, поскольку совершается правое, а дурного избегают из страха перед последствиями в чувственном мире, но благо никогда не любят и не осуществляют его ради него самого. Но как только поднимаются до желания исполнять долг, просто потому, что он — долг, до желания, у которого нет никакого чувственного движущего мотива, только сверхчувственное мысли, и которому просто нет дела до объекта, желанию есть дело до сверхчувственного в умонастроении, следовательно, посредством способа мышления переносят себя самого в совсем иной мир, тут же неопровержимо выступает дух и достоверность этого иного мира, освобождение нашей воли, которое причиняем мы сами, становится для нас средством и залогом освобождения всего нашего бытия, чего мы сами себе причинить не можем.

Те, кто говорят, что долг должен быть просто исполнен, безотносительно к какой-либо цели, выражаются неточно. Не принимая во внимание того, что они в своих философских учениях никогда не могут объяснить того, откуда для чисто формальных требований нравственности возникает материальное содержание (что, как сложности в системе, заметно только подлинным знатокам философии), они совершенно не знают способа мысли конечного существа. Совершенно невозможно, чтобы человек действовал без перспективы какой-то цели. Когда он решается на действие, у него возникает понятие будущего, которое возникнет в результате его действий, и это именно и есть понятие цели. Эта, достигаемая посредством согласного с долгом умонастроения цель — не удовольствие, — вот что они хотят сказать, и в этом они правы, она есть утверждение подобающего разуму достоинства. Тот, кто говорит: «Даже тот, кто отчаялся в Боге и бессмертии, все равно обязан исполнять свой долг», соединяет абсолютно не согласующиеся вещи. Достаточно лишь произвести в себе согласное с долгом умонастроение, и ты познаешь Бога, и в то время как нас прочих ты еще видишь в чувственном мире, для себя самого уже на этой Земле ты будешь пребывать в вечной жизни. Здесь они опять же правы в том, что не согласное с долгом умонастроение основывается на вере в Бога и бессмертие, а наоборот, вера в Бога и бессмертие основывается на согласном с долгом умонастроении.

Каждому, кто только способен к истинной спекуляции и удерживать внимание, можно легко и ясно показать, что весь наш опыт есть не что иное, как

продукт нашего представления. Последовательные идеалисты приняли это уже давно, и до настоящего момента понимающий себя самого и последовательный скептицизм основывался на вполне верном утверждении о том, что свободное представление ничто не связывает. Но что же нас все-таки связывает, согласно обычному представлению, делает так, что мы считаем свои собственные продукты независимыми от нас вещами, боимся своих собственных созданий, восхищаемся ими, жаждем их, и верим в то, что наша судьба зависит от видимости, которую должно было бы разрушить легкое дуновение свободного существа? Сверхчувственное, отражение которого в нас есть чувственный мир, — вот что удерживает нас и принуждает признать реальность и за его отражением: это истинное «в-себе», лежащее в основе всякого явления, и наша вера направлена не на явление, а на его сверхчувственное основание. Мое нравственное назначение и то, что связано с его осознанием, есть единственное непосредственно достоверное, которое мне дано, а также которое я могу дать сам себе, единственное, дающее мне для меня самого реальность. Даже если бы я ясно не осознавал это высокое назначение и еще в меньшей степени работал бы над его осуществлением, то требование признать его все равно продолжало бы быть, и это требование есть единственное, что дает мне жизнь и существование. Такое же непосредственное выражение моей совести в отношении того, *что* есть мой долг, даже если я к ней и не прислушиваюсь, определяет для меня мое отношение в ряду других нравственных существ. И только это отношение, согласно доказуемым законам, превращается для моего чувственного зрения в телесный мир. Нет никакой достоверности, кроме моральной, и все, что достоверно, таково лишь постольку, поскольку обозначает наше моральное отношение.

В ославленной статье я говорю об этом следующее: «Постижь возникновение границ твоего существа, правда, невозможно, но какое тебе до этого дело? — говорит практическая философия, — их значение яснее и вернее чего бы то ни было, они суть твое определенное место в моральном порядке вещей. То, что ты в соответствии с ним воспринимаешь, обладает реальностью, единственной, которая тебя касается и которая для тебя существует; оно есть непрекращающееся истолкование требования долга, живое выражение того, что ты должен, так как ты просто должен. Наш мир есть ставшее наглядным материальное нашего долга, оно — собственно реальное в вещах, истинная основоматерия любого явления. Принуждение, с которым нам навязывается вера в его реальность, есть моральное принуждение, единственно возможное по отношению к свободному существу. Никто не в состоянии, пока жив, настолько отказаться от своего морального назначения, чтобы оно не сохранялось для него, как залог будущего исправления, по крайней мере, в виде этих границ»²².

22 И. Г. Фихте «Об основании нашей веры в божественное мироправление» (Фихте 2012, 306–307).

Сказанное, таким образом, очень далеко от того, чтобы считать сверхчувственное недостоверным, оно — единственное достоверное, и все остальное достоверно из-за него; очень далеко от того, чтобы считать, что достоверность сверхчувственного следовала бы из достоверности чувственного, скорее наоборот, из последней следует теоретическая необходимость, если мы считаем чувственное существующим, а моральная обязанность почитать его как средство следует из первой. Сверхчувственный мир есть место нашего рождения и наша единственная твердая точка зрения, чувственный мир есть лишь отражение первого. Ты веришь в Бога не потому, что ты веришь в мир, скорее ты видишь мир потому, что твое назначение заключается в том, чтобы верить в Бога.

Согласно всему сказанному, характер истинно религиозного человека по моему учению таков: он есть лишь одно желание, вздымающее грудь и наполняющее духом жизнь, блаженство всех разумных существ. «Да придет Царствие Твое!» — вот его молитва²³. Кроме этого желания ничто не имеет для него значения, для него умерло всякое желание жаждать чего-либо другого. Он знает лишь одно средство для стремления к этой цели — во всех своих действиях непоколебимо, без страха и умничания следовать голосу своей совести. Это опять же связывает его с миром, не как с предметом, приносящим удовольствие, а как с указанной ему совестью сферой сообразного с долгом действия. Он не любит мир, но чтит его ради совести. Мир ни в коем случае не является его *целью*, в нем он не имеет никаких намерений и не хочет ничего произвести, лишь *посредством него*, в соответствии с непонятной для него и не беспокоящей его взаимосвязью. Его намерения всегда направлены к *вечному*, которое никогда не является, но, согласно неложному обещанию во внутреннем его души, непременно будет достигнуто. Поэтому для него также полностью безразличны следствия его сообразных долгу действий в мире явлений, чем бы они ни казались, в себе они непременно благи, ведь там, где исполняется долг, осуществляется воля вечного, а она с необходимостью блага. «Да будет не моя, но Твоя воля, да свершится не мой совет, а Твой!» — таково желание его жизни, и так несокрушимая радость распространяется на все его существование.

Это свойство, которого стоит ожидать от каждого человека, согласно моим основоположениям, может развиваться лишь тогда, когда людей в первую очередь ведут не к внешней благопристойности, а к внутренней праведности. Когда есть последняя, если только она — *действительная внутренняя* праведность, вера и внешняя благопристойность появляются сами собой, а без нее внешняя благопристойность — это внутренняя испорченность, и религия — извращенное суеверие, совершенно губящее человека.

23 Евангелие от Матфея, гл. 6, стих 10.

Это учение, представленное здесь в связном виде, содержащееся и в других моих сочинениях, например, в учении о нравах²⁴, в моей ославленной статье изложенное ясно и полно, правда, не тем же языком, которым я пользуюсь здесь, но содержательно то же самое, это учение и никакое иное есть то, что они называли атеизмом, которое они воспрещают распространять под угрозой тюремного заключения, из-за которого они угрожают мне увольнением и изгнанием с помощью имперского прокурора.

Прежде чем я двинусь далее, я хочу спросить каждого читателя, самих моих неумолимых преследователей, их совесть, о том, всерьез ли они считают опасным то, чтобы все люди на свете были подобны моему религиозному человеку, всерьез ли они верят в то, что смогут не оказать почтения человеку с такими свойствами? Я обращаюсь к их совести — не хотели бы они сами быть таким человеком, если бы внезапное чудо могло это совершить? Спрошу каждого, кто хоть пару раз заглянул в Новый завет: неужели он не нашел там ничего о полном возрождении как исключительном условии нашего спасения²⁵, ничего об умерщвлении плоти и смерти для мира²⁶, ничего о жизни на небесах, несмотря на то что еще остаешься пребывать в теле?²⁷ Я спрошу его: имеют ли эти слова смысл и что это за смысл?

И все же дело заключается в том, что они установили, что это учение — атеистическое. У них должны быть для этого серьезные основания. Попробуем вскрыть эти основания!

О, я слишком хорошо знаю партию, которая могла дать толчок для запрета, и их способ мысли, для того чтобы мне было сложно отгадать их основания!

Эти основания также содержатся в данном изложении. *Я считаю, что отношение* Божества к нам как нравственным существам есть непосредственно данное; особенное бытие этого Божества мыслимо лишь вследствие нашего конечного представления, и в этом бытии не заключается ничего, кроме этих непосредственно данных отношений, лишь то, что в нем они сведены в единство понятия. *Согласно моим противникам*, эти отношения Божества к нам могут быть только следствиями и лишь выведены из имеющего место вне зависимости от этих отношений познания сущности Бога в себе и для себя, и в этом познании должно заключаться то, что не имеет никакого отношения к нам, согласно одним — больше, другим — меньше. Признаюсь, я могу знать о тепле или холоде лишь посредством того, что мне действительно холодно или жарко; *они*, никогда не имев восприятия подобного рода, знают о тепле и холоде как о вещах самих по себе и, вследствие этого познания, производят

24 См.: И. Г. Фихте «Система учения о нравах согласно принципам наукоучения» (Фихте 2006).

25 Ср.: Евангелие от Иоанна, гл. 3, стихи 5–8.

26 Послание к Римлянам, гл. 8, стих 13.

27 Послание к Филиппийцам, гл. 3, стихи 20–21.

в себе жару и мороз с помощью силы своих силлогизмов. Моя неспособность производить такие силлогизмы — это то, что они называют моим атеизмом.

Для того чтобы достичь такого познания божественной сущности, которое они сами никоим образом не выдают за непосредственное познание, не зависящего от отношения Божества к нам, которое они только еще намерены вывести из первого, они с необходимостью должны обладать источниками познания, закрытыми для меня. Так это и есть, они заключают от существования и устройства чувственного мира к наличному бытию и свойствам Бога. И именно потому, что им отказывают в таком существовании чувственного мира как независимом от нашего представления и в этом представлении как независимом от нашего нравственного назначения, они делают это умозаключение. Они доказывают *из* этого существования вместо того, чтобы, как это необходимо, сначала доказать *себя самих*, и в качестве вполне заслуженного наказания за то, что их доказательства вращаются в круге, в данных обстоятельствах они порождают совершенно невнятные учения. Они или выводят из ничто не просто нечто и многое, а всё, или утверждают, что голые понятия чистой интеллигенции формируют существующий независимо от нее материал сам по себе; охватывают бесконечное конечным понятием и восхищаются премудростью Божьей, что она устроила все именно так, как и они сами сделали бы. Так как я здесь не намерен спускаться в глубины спекуляции, а собираюсь опереться лишь на неискоренимое нравственное чувство в любой человеческой груди, то в этой статье я не буду больше тратить слова по поводу такого способа доказательства.

Выскажу лишь пожелание моим противникам! Может быть, вы соблаговолите сказать хоть одно *разумное* слово, о котором я просил по данному поводу, в отношении того, чтобы все-таки значило, что Бог сотворил мир, и *как* мыслить такое творение? В том плане, что речь идет о действительном *мире*, о чувственном мире, а не о нравственном порядке чистой духовной интеллигенции. Может быть, вы соблаговолите, — вы можете даже объявить о вручении премии за это первое разумное слово, удвоенную, удесяттеренную премию! Но пока это единственное слово не прозвучало, я прав, считая, что для того, чтобы верить в Бога так, как верите вы, нужно потерять свой здравый рассудок, и что мой атеизм заключается лишь в том, что я хотел бы сохранить свой рассудок.

Но пусть дело обстоит как угодно, и в данном вопросе могут быть правы мои противники или я, однако *в чем* они точно неправы, так это в том, что они в связи с этим добились запрета моего сочинения. Если единственной целью религии является формирование упомянутого чисто религиозного характера, описанного выше, то все, что не влияет на это формирование, должно быть безразлично. Но ответ на чисто философский вопрос об основании возникновения этой веры в человеческом духе точно не имеет на него никакого влияния. Обыденный рассудок остается при факте и оставляет прояснение вопроса философу. Ответ на вопрос о том, включены или нет в понятие Бога признаки, в отношении которых определенно признано, что они не имеют никакого отношения к нашему нравственному назначению, точно не имеет на него никакого влияния.

Но в таком случае мои противники должны были добиваться запрета моего сочинения вовсе не как стражи народной религии, и не как религиозные люди, а только как философы, как противоположная мне философская партия. Пусть они сами поразмыслят о том, послужит ли на пользу их делу и их смелости то прекрасное убеждение, что лучше запрещать, чем опровергать!

Так обстоит дело, если они согласятся со мной в том, что рассмотренное мной моральное убеждение в божественном мироправлении возможно и достаточно для формирования подлинно религиозного умонстроения. Если же они этого не признают, утверждают скорее, что указанный ими путь не только возможен, но даже только он и возможен, и что я в то же время лишаю их с их несостоятельными доказательствами самого Божества, то наше дело обстоит, правда, иначе. В таком случае я на самом деле отрицаю их Бога, в таком случае я для них действительно отъявленный атеист.

Я знаю систему моих противников до самого ее основания, я знаю ее лучше, чем ее знают многие среди них, и знаю слишком хорошо, что именно последний случай имеет место в нашем споре. И это вынуждает меня посвятить им еще некоторое время.

Я говорю, что понятие Бога как особенной *субстанции* есть невозможное и противоречивое понятие (субстанция, по причинам, которые я могу здесь себе позволить не разъяснять, — для моей нынешней цели будет достаточно, если я просто поясню свое философское словоупотребление, — с необходимостью означает, собственно, чувственно существующую в пространстве и времени сущность). Я говорю, что доказательство существования Бога, исходящее из существования чувственного мира, невозможно и противоречиво. Я, конечно, отрицаю тем самым *субстанциального, выводимого из чувственного мира* Бога. Тем, что я это отрицаю, для них, несмотря на все прочее, что я утверждаю о сверхчувственном Боге и моральном основании веры, я становлюсь богоотступником вообще. То, что я утверждаю, для них, таким образом, есть ничто, абсолютно ничто — для них нет ничего, кроме субстанциального и чувственного, тем самым, есть только субстанциальный и выводимый из чувственного мира Бог. Во-первых, почему для них нет ничего иного и почему сверхчувственное для них есть ничто, почему оно для них вовсе не существует, даже в возможности? Это я могу им сказать. Сфера нашего познания определена нашим сердцем, лишь посредством своего стремления мы ухватываем, что такое для нас существование. Они со своим рассудком остаются при чувственном бытии, потому что их сердце им удовлетворяется. Они ничего не знают о лежащем выше, потому что их устремление до него не поднимается. В учении о нравах они эвдемонисты, а тем самым, вынуждены, пожалуй, быть догматиками в спекуляции. Если только быть последовательным, эвдемонизм и догматизм необходимо идут рука об руку, так же как морализм и идеализм²⁸.

28 Ср.: И. Г. Фихте «Первое введение в наукоучение» (Фихте 1993, 455–461).

Этот их субстанциальный и принимаемый ради чувственного мира Бог, что же он за существо? Набожная простота воображает его себе как чудовищную протяженность в бесконечном пространстве, а еще более простецкая — так, как он нарисован на старом дрезденском сборнике церковных песнопений, — как старика, юношу и голубя; если такой Бог есть все же моральное существо и в него чистосердечно верят, то мудрец может добродушно посмеиваться над этим, но к тому, что того, кто не хочет представлять Божество в этой форме, называют атеистом, запрещают его сочинения, и клеветают на него перед всей нацией, к этому нужно отнести намного серьезнее. И сейчас как раз тот случай. Главная причина этой порки заключается, без сомнения, в том, что я отрицаю Бога как особенную субстанцию. Но субстанциальный Бог с необходимостью есть протяженное в пространстве тело, какие очертания при этом не давали бы его образу.

Я перехожу ко второй части их ругани, с помощью которой я могу сделать свою позицию еще понятней. Каким же получится Бог, принятый ради чувственного мира и принятый сердцем, неспособным подняться над ним?

Их конечной целью всегда остается наслаждение, вожделяют ли они его грубым образом или рафинированным, наслаждение в этой жизни и, если они помнят о продолжении жизни после смерти на Земле, то наслаждение и там, — они не знают ничего, кроме наслаждения. То, что успех их борьбы за это наслаждение зависит от чего-то неизвестного, которое они называют судьбой, скрыть они не могут. Эту судьбу они персонифицируют — *это и есть их Бог*. Их Бог есть податель всякого наслаждения, распределитель счастья и несчастья для конечных существ, в этом заключается его основное свойство.

Они пришли к этому Богу указанным путем неутолимого вожделения удовольствия, и потому они заблуждаются и несправедливы в отношении своей веры, когда считают ее опосредованной, следствием других познаний. Она столь же непосредственна, как и наша, она, как и наша, исходит из сердца, а не из рассудка. Совершенно последовательно и необходимо в их системе то, что они считают чувственный мир, содержащий конечную цель также и их существования, существующим самим по себе, чем-то действительным, и приписывают своему Богу, который должен распределять в этом мире счастье и несчастье, абсолютное господство над ним, так что он должен быть и его творцом, поскольку в противном случае этот мир не зависел бы от него полностью. Они заблуждаются лишь в отношении способа, которым они пришли к принятию всего этого. На деле они знают это непосредственно, а не получают это знание посредством умозаключений. То, что они выдают за демонстрации, суть простые повторения того, во что верит их сердце независимо от каких бы то ни было демонстраций.

Из того, что их Бог действительно обладает указанным выше основным свойством, что он господин судьбы и податель счастья, что его планом при творении мира было создание наибольшего количества наслаждения, они не делают никакой тайны, это проходит красной нитью через всю их систему, они

исчерпали свое красноречие, чтобы доказать, что это — нечто очень тонкое, они настолько этого не стесняются, что я прямо слышу, какое согласие у большинства из разделяющих этот способ мысли вызывает только что сказанное мной, как они радуются тому, что я так хорошо изложил суть и отдал им должное, и насколько они далеки от того, чтобы им пришло на ум, что против этого можно что-то иметь.

Посредством этого они выносят на свет свою радикальную слепоту в отношении духовных вещей, свое полное отчуждение от жизни, проистекающей из Бога. Кто хочет удовольствия, тот — чувственный, плотский человек, не имеющий религии и не способный на религию; первое истинно религиозное восприятие навсегда убивает в нас вожделение. Кто ждет счастья, тот — незнакомый с самим собой и со всеми своими задатками болван. Счастья нет, счастье невозможно, и ожидание его, а также Бог, которого принимают вследствие этого ожидания, суть выдумки. Бог, призванный служить вожделению, — отвратительное существо; он стоит на такой службе, которая отвратительна любому, даже посредственному человеку. Такой Бог — дурное существо, ведь он поддерживает и делает вечными человеческие пороки и поругание разума. Такой Бог — в точном смысле слова «*князь мира сего*», которого уже давно осудили и приговорили уста правды, слова которых они перевирают. Их служба — служба этого князя. Это *они* — истинные атеисты, они полностью лишены Бога и создали себе ужасного божка. То, что я не хочу считать их божка истинным Богом, вот что они называют атеизмом, вот что они поклялись преследовать.

Система, в которой ждут счастья от могущественного существа, — это система идолопоклонства и службы божкам, которая так же стара, как и человеческие пороки, и с течением времени изменила лишь свой внешний облик. Будь это могущественное существо хоть костями, хоть пером птицы или всемогущим, вездесущим, всеведущим творцом неба и земли, если от него ждут счастья, то он — божок. Различие этих систем заключается лишь в лучшем выборе выражений, сущность же заблуждения — одна и та же, и в обеих системах сердце остается в равной степени извращенным.

Вот в чем заключается истинный предмет моего спора с ними. Для меня Бог — совершенно свободное от всякой чувственности и прибавки любой чувственности существо, к которому я поэтому не могу даже отнести единственное возможное для меня *чувственное* понятие существования. Для меня Бог есть исключительно и только правитель сверхчувственного мира. Их Бога я отвергаю и предостерегаю от него как от исчадья человеческой испорченности, и тем самым становлюсь никоим образом не богоотступником, а защитником религии. Моего Бога они не знают и не в силах подняться до его понятия. Для них он не существует, поэтому они не могут его и отрицать, и в этом отношении они — не атеисты. Но у них *нет Бога*, и в этом отношении они — атеисты.

Однако моему сердцу не близко, отвратительным образом именовать их этим именем. Моя религия скорее учит меня сожалеть о том, что ради наималейшего они отказались от самого благородного и высокого. Эта религия

учит меня надеяться на то, что они рано или поздно откроют для себя свое прискорбное состояние и посчитают все дни своей жизни потерянными в сравнении с совершенно новым и прекрасным существованием, которое им тогда раскроется.

Теперь, чтобы еще ближе познакомить их с ними самими, рассмотрим их божка поподробнее — святое имя Бога ему вовсе не подобает. Своевольно, как и они сами, по каковому образцу они его и сформировали, он увязывает ожидаемое от него счастье с некоторыми условиями, просто потому что он хочет исполнения этих условий. Чем непонятней эта воля, тем больше заслуживает веры то, что это — его воля, ведь тем самым он становится еще более непостижимым, то есть своенравным Богом, поскольку правом ему служит всемогущество. Исполнение определенных церемоний, произнесение определенных формул, вера в непостижимые положения становятся средством для того, чтобы вкрасься к нему в доверие и получить от него благословение. Если дело обстоит самым лучшим образом, то таким средством становится добродетель, понятно, что только как голая внешняя благопристойность, ведь истинная моральность состоит в том, что долг просто исполняется и исполняется ради него самого, а там, где в качестве награды имеется в виду удовольствие, от нравственности уже отказались и ее изгладили безвозвратно. В этой функции Бог, по крайней мере, помогает полиции.

В этой системе Бог беспрерывно прославляем и восхваляем, как ни один порядочный человек не хотел бы быть восхваляем. Постоянно говорят о его благости, и вновь о его благости, они неустанно вспоминают о его благости, ни разу не упомянув о его справедливости. Это ему безразлично и ему все нравится, и чтобы не сделали люди, он всегда тут как тут со своим благословением. И, что в этом самое ужасное, они сами не верят в то, что говорят, а лишь считают, что Бог охотно их слушает, и думают его улестить.

Здесь высказывают наставления, такие как: Бог милостив, он не только даровал нам пищу для пропитания, но и сделал ее вкусной. Вкушай же как следует, благочестивая душа, как сладка кисть винограда, как пряно это яблоко, чтобы ты научилась ценить милость Божию! Бедный, может быть, благонамеренный, но слепой болтун! Все блага, которые ты встречаешь в своем чувственном существовании, есть не для того, чтобы ты ломал над ними голову в своем благочестии, а для того, чтобы укреплять, оживлять и повышать твою силу, позволяющую тебе с радостью свершать дело Божье на Земле. *Так* учили бы они, если бы видели суть, и тогда они прославляли бы Бога за то, за что он и хочет быть прославлен.

Это та система, в чьих устах самое возвышенное и святое учение, какое только было среди людей, учение христианства, потеряло весь свой дух и силу и превратилось в нервное учение о счастье. Я не намерен обвинять их в том, что они преднамеренно извратили это учение, но как только оно оказывается в их сфере, оно теряет свой возвышенный смысл. Они не видят в нем абсолютно ничего и толкуют, и вращают его до тех пор, пока не выйдет смысл, доступный

им. Их устами говорит тот, кто может вынести страдания, если у него будут радости, утонченный эпикуреец. «Распните вашу плоть с ее сладострастием и вожделием!»²⁹ — для них это восточные образы и обороты речи, которые в нашем способе мышления означают примерно следующее: «Экономьте и мудро распределяйте ваши удовольствия, чтобы вы могли больше наслаждаться! Не пресыщайтесь, ведь иначе у вас будут колики, не напивайтесь, ведь иначе на следующий день у вас будут головные боли!» «Родитесь свыше, родитесь в духе³⁰, станьте новым творением!»³¹ — это, согласно им, на нашем языке звучит как-то так: «Становитесь с каждым днем все более разбирающимися и сметливыми в отношении ваших выгод!» «Наше преображение на небесах³², я живу, но это не я, а новый человек живет во мне»³³, — это, согласно им, голый образ, который ничего не значит на нашем языке.

Кто знает все это лучше, кто может знать это лучше, чем многие достойные члены высшей саксонской правительственной коллегии? Они, в некоторой общине, языком которой я, правда, не стал бы пользоваться, но которая ведь имеет ту высокую заслугу, что знает о сверхчувственном и вечном, в этой общине или каким-то другим способом укрылись от этого нервного учения, и им, несомненно, часто и, несомненно, не без внутреннего неудовольствия приходилось выслушивать восхваления Иисуса как учение о счастье со стороны саксонских канцелярий и в наставлениях для детей. Кто может знать это лучше, чем они? О некоторых из них я знаю, что им очень даже хорошо известен источник этого зла — эвдемонистическая, поверхностная, эстетствующая, сладкоречивая философия, встреченная бурным одобрением их учащихся, и что эту плоскую философию они хотели бы заменить изучением, разумеется, более основательной и мощной философии Крузиуса³⁴. Но они могли бы познакомиться и с новейшей философией, не удовлетворяться чужими сообщениями, прочитать собственными глазами! Впрочем, ее изучения было не слишком уместно требовать от занятых иными делами людей именно тогда, когда она еще была в своих основных источниках в высшей степени непонятной, а ее толкователи сами в ней ничего не понимали. Это время прошло, ныне эту философию очень легко донести до непредвзятого и заинтересованного человека³⁵.

Пусть эти мужи одарят вниманием, по крайней мере, это сочинение, они смогут увидеть уже из него, в чем состоит истинная тенденция этой системы! Скажу кратко: в отношении учения о религии ее единственной целью является

29 Послание к Галатам, гл. 5, стих 24.

30 Евангелие от Иоанна, гл. 3, стихи 3–5.

31 Второе послание к Коринфянам, гл. 5, стих 17.

32 Послание к Филиппийцам, гл. 3, стих 20.

33 Послание к Ефесянам, гл. 4, стих 24.

34 Христиан Август Крузиус (1715–1775) — немецкий философ и лютеранский теолог.

35 Фихте имеет в виду философию Канта и свою собственную философию.

лишить человека всякой опоры для лени и оправданий его испорченности, иссушить все источники его ложного утешения, и не оставить ни его рассудку, ни его сердцу никакой иной точки зрения, кроме точки зрения долга и веры в сверхчувственный мир. Поэтому и в ее теоретической части присутствует утверждение абсолютной идеальности всякого чувственного бытия, направленное против догматика, голова которого приписывает этому бытию пребывающую для себя реальность, ведь его сердце им удовлетворяется.

Наша философия отрицает не всякую реальность, она отрицает лишь реальность временного и преходящего, чтобы показать реальность вечного и непреходящего во всем его достоинстве. Странно обвинять эту философию в отрицании Божества, ведь она скорее отрицает существование мира, в том смысле, в каком его утверждает догматизм. Что бы это был за Бог, который исчезал бы вместе с миром? Наша философия отрицает существование чувственного Бога и прислужника вождения, а сверхчувственный Бог есть все во всем, для нее он — единственный, кто есть, и мы, прочие разумные существа, все живем и творим в Нем.

Христианство — не философская система, оно обращается не к спекуляции, а к моральному чувству человека, поэтому оно не может говорить и быть артикулировано так, как это происходит в философском учении. Но если только нельзя отказаться от его девяти десятых как от бессмыслицы, а в остающейся одной десятой не должно быть правым приведенное выше толкование, то у него — та же самая цель, что и у нашей философии. Эта цель христианства очень хорошо известна упомянутым достойным мужам. Если бы только они захотели познакомиться и с новейшей философией! В таком случае они не позволили бы другим, не сведущим ни в христианстве, ни в философии, вводить себя в заблуждение и не стали бы запрещать как атеистические статьи, написанные в духе этой философии, и имя достопочтенного князя³⁶, который, видимо, истинно религиозен, поскольку добр и справедлив, не появилось бы в заголовках рескриптов, в которых защита истинной религии называется нападками на нее.

Я могу с успехом защищать свое дело даже пред лицом тех государственных мужей, которые не слишком озабочены религией, но сердцу которых близко основательное изучение и прогресс наук. Вся сила человека достигается борьбой с самим собой и преодолением самого себя, а духовная сила в особенности — посредством борьбы с врожденными нам и основывающимися на нашей чувственной природе предрассудками и преодоления слепой склонности к ассоциации идей. Кто делает то, к чему его тянет удовольствие, никогда не производит действительно самостоятельно, то есть вопреки склонности, а лишь будучи увлекаем потоком того, что взбредет ему в голову, тот был и остается, насколько бы удачны не были порой его затеи и насколько бы силен не был этот поток, поверхностным умом, недостойным имени ученого. Лишь

36 См. прим. 3.

тот — основательный ученый, кто принимается за задачу, какого бы рода она не была, с трезвым умом и намеренно, систематически следует своим путем, воздерживаясь от любых посторонних соображений, не успокаивается до тех пор, пока не найдет основу или, по крайней мере, не узнает, что она недостижимо далека и никто ее не сможет найти, и не считает, что что-то уже сделано, пока что-то еще остается несовершенным. Эту способность приобретают лишь посредством того, что трудом и усилием отыскивают основоположения и приобретают понимание этих основоположений, которые не открываются сами собой, напротив, противоречат первому обычному воззрению человека. Нет ничего более противоположного этому, единственно возможному методу образования духа, что бы так основательно делало воспитанника поверхностным, лишало его духа, чем упомянутая эвдемонистическая система. В этом случае человек скользит по рельсам, на которые его поставила природа, и не прикладывает труда для того, чтобы открыть новый путь, ведь эта система врождена нам всем и для того, чтобы считать целью нашего существования удовольствие, не требуется никакого усилия. Учащийся только ради получения удовольствия с отвращением захватывает поверхность своей памяти лишь то, что ему потребуется, чтобы сдать назначенный ему, к сожалению, экзамен, а в остальном проводит время за бездарными стихами и романами в охоте за эстетическим пустословием, чтобы однажды как следует возбудить похоть в сердцах людей. Требование мыслить самостоятельно, упорядочить свои мысли, дать отчет об их порядке, кажется ему слишком жестким, несправедливым, неслыханным.

Каждого, кто знает свет и имеет возможность для наблюдений, я призываю ответить мне, не находит ли он настроенных подобным эвдемоническим образом повсюду и на всех факультетах в виде болтунов и поверхностных попугаев. Я не приписываю себе право решать, а предлагаю попечителям науки в стране, границы которой столь старательно охраняются от новейшей философии³⁷, самим исследовать то, насколько это описание соответствует положению в ней науки.

Я могу с успехом защищать свое дело даже пред лицом тех государственных мужей, которые не озабочены ни религией, ни наукой, но наблюдают только за сохранением гражданского спокойствия и порядка. Если верно то, чего я не собираюсь ни утверждать, ни опровергать, что в нашу эпоху чаще и откровеннее, чем в прежние, поднимает голову бесстыдная похоть и произвол, неприятие закона, неуместное умничанье о вещах, о которых можно судить лишь с более высокой точки зрения, более оживленное стремление многих покинуть свое место в порядке вещей и занять более высокое, невоздержанное стремление открывать все новые источники удовольствия после того, как старые истощились, то перестаньте обвинять в этом новейшую философию. Превратная философия проникает в способ мышления толпы не

37 Саксония.

раньше, чем некоторое время пробудет господствующей школой, в спокойном положении будет популяризирована ее разработчиками, не вынужденными вести внешние войны, и не спустится до единственной философии народа, до его религии и до его единственных учителей, духовного сословия, не раньше, чем преодолеет сопротивление здравого человеческого смысла эпохи, которой она впервые преподносится, и, уже с помощью преподавания катехизиса, образует себе свое поколение. Вы сами слишком хорошо знаете, что новейшая философия³⁸, ее внутренняя сущность, сейчас совершенно отодвинута в сторону, еще не достигла такого внешнего положения и еще очень далека от того, чтобы его достичь. Вы сами, попечители наций, знаете в лучшем случае, что нечто такое происходит, но не то, как все обстоит в действительности, что то, что ваши проповедники там и сям приводят из этой философии, суть формулы, непонятные ни им самим, ни другим, и они не могут ни навредить, ни помочь. Если бесчинство должно быть выведено из философской системы, то вам нужно вернуться в прошлое, к той системе, которая господствовала до новейшей, и здесь вы найдете вновь тот же самый эвдемонизм. Выше я уже напоминал вам о том, что религия Иисуса была преобразована согласно нему, что несовершеннолетние выскажут его как свою заветную мысль, а совершеннолетние проповедуют его с кафедр. И вы еще можете спрашивать, откуда испорченность эпохи? Проповедуйте лишь человеку, и проповедуйте ему снова и снова, что единственная цель его существования, единственная цель всего творения, истинная воля Бога — это его счастье. Склонный к этому уже сам по себе, он, несомненно, поверит вам в этом. Он начнет всеми способами преследовать свое счастье, ведь в отношении того, что его делает счастливым, он, бесспорно, лучший судья. Помня об этой высшей цели своего существования, он не будет давать вводить себя в заблуждение никакой подчиненной целью и, согласно учению, которое вы преподнесли ему, будет считать, что совершает не что иное, как волю Божью. После того, как вы, согласно этим формулам, разрешили удерживавшие его узы — моральность, вы напрасно будете пытаться связать его другими, говоря ему: «не в этом твое *подлинное* счастье». Он посмеется над вами, ведь что касается того, что принесет ему счастье, он ведь должен знать лучше вас, как он считает, и в этом он прав. «Вы только так говорите, — думает он, — потому что стремитесь к своему счастью, а я стою у него на пути». Вы никогда не убедите его в том, что он должен изнурять себя работой, чтобы быть счастливым, ведь ему кажется, а может быть так на деле все и обстоит, что вы это говорите, чтобы самим иметь возможность бездельничать, что он, как ему кажется, а может быть так на деле все и обстоит, должен нуждаться в самом необходимом, чтобы вы могли наслаждаться, что он должен быть послушен, чтобы вы могли господствовать.

Лучше бы вы прививали ему упомянутые возвышенные мысли, с юности внушали бы их ему, сделали бы их частью него самого: этот мир — не моя

38 Фихте имеет в виду трансцендентальную философию.

Родина и ничто из того, что он может дать, не способно меня удовлетворить, мое истинное бытие зависит не от роли, которую я играю в явлении, а от того способа, *каким* я ее играю. Так как я стою здесь³⁹, то воля Бога заключается в том, что я стою здесь и с радостью и отвагой осуществляю то, что должно осуществляться на этом месте. Мое дело нелегко, оно делается ради Бога и долга, и посредством этого оно — достойное дело. Разглядывать, делают ли другие на своих местах то, что должны, это не мое дело, у меня полно дел и с самим собой. Если они этого не делают, то они поддаются греху и несут за это ответственность, но Бог, несомненно, растворит однажды все непорядки, следующие отсюда, в прекраснейшей гармонии.

Лучше бы вы прививали ему эти мысли, основные мысли христианства, как я полагаю, и моей философии — героизм и невыразимое спокойствие, которое он распространил бы на всю свою жизнь, без сомнения, сделали бы его полезным и спокойным гражданином общества.

Подведу итог:

Центральный пункт спора между мной и моими противниками заключается в том, что мы находимся в двух различных мирах и говорим о двух различных мирах: они — о чувственном мире, я — о сверхчувственном, они все связывают с удовольствием, какую бы форму оно не принимало, а я — с чистым долгом.

Посредством этой абсолютной противоположности принципов, поскольку мы последовательны, с необходимостью противопоставляются друг другу системы нашего мышления, наши философские учения и наши религии⁴⁰. То, что есть единственное истинное и абсолютное *для меня, для них* вообще не существует, для них оно — химера и выдумка; то, что они считают истинным и абсолютным, есть, согласно *мне*, голое явление, лишенное всякой истинной реальности.

К этим принципам всего нашего мышления мы пришли не посредством самого мышления, а посредством чего-то, что пребывает выше, чем любое мышление, что я здесь с полным правом могу назвать *сердцем*. Но то, чего мы сами достигли не путем рассуждения, мы не можем и сообщить другим этим путем, следовательно, мы взаимно не в состоянии доказать друг другу наши принципы. Что бы мы не демонстрировали друг другу, мы демонстрируем, исходя из предпосылок, и наши выводы имеют значение для обеих сторон, только если обе признают предпосылки; но обе стороны решительно отвергают предпосылки противоположной. Следовательно, опровергнуть, убедить, наставить друг друга просто невозможно. Чтобы признать их правоту, я должен принять их умонастроение, а это после того, как я оказался там, где стою, невозможно. Или они должны принять мое умонастроение, чтобы признать мою правоту; это я, со своей стороны, считаю вполне возможным, верить в то,

39 Аллюзия на слова Лютера на Вормском соборе: «Здесь я стою, я не могу иначе».

40 См. прим. 28.

что они когда-нибудь его примут, меня даже обязывает совесть, но понуждать их к этому я никак не могу.

Я порой хвалился еще одним преимуществом над ними, но, если рассмотреть дело строже, оно становится ничтожным. При случае я говорил, что они не могут объяснить то, что они намерены объяснить, и вместо обещанных объяснений приводят пустые и бессмысленные слова, и, по крайней мере, это может быть им доказано⁴¹. Но именно это им очень сложно доказать, поскольку на той высоте спекуляции, на которой выясняется бессмысленность их утверждений, они собственно по большей части уже ничего не понимают.

Что же делать в такой ситуации?

Во-первых, что вздумают делать мои противники?

Если разгорячившиеся, враждебные души (благородная борьба за истину, ах, способна выродиться в личную враждебность!) захотят наброситься и на *это* сочинение, как они до сих пор поступали с другими моими сочинениями, вырвать из него отдельные высказывания или в самом деле приводить их в ложном виде, чтобы приписать автору такие мысли, которые ужаснут его сердце, страстно стыдить и поносить его, то пусть делают, что хотят! Я надеялся, что в моих предыдущих ответах на подобные эскапады нельзя не заметить доброго расположения и спокойного тона и нельзя принять их за страстную разгоряченность, но этого не заметили и рассердились на них, и теперь в связи с данным поводом я раз и навсегда даю публике слово, больше не обращать внимания на страстные выпады против меня.

Если другие намерены, уже без пристрастия, вновь рассказывать мне то, что мы уже неоднократно слышали, что человек не способен отказаться от всякого удовольствия, то им я просто напомним о том, что именно в этом и заключается наш спор, что здесь они, чтобы опровергнуть мою статью, приводят именно тот принцип, который я отрицал всей своей статьей, и что им стоит узнать, как называется в логике эта ошибка в доказательстве. Они могут приводить его в споре с теми, кто в него верит, но не против меня.

Если третья партия, и я опасаясь, что она будет очень многочисленной, станет говорить, что ошибка заключается в том, что эти опоры собираются убрать слишком резко, нужно действовать не спеша, сначала привести людей к легальности с помощью приманок и страшилок суеверия, чтобы из этого состояния поднять их до моральности, то этим людям я напомним, что они здесь приводят лишь обычные отговорки слабости и половинчатости, видящей истину, но не имеющей мужества ее признать и следовать ей, и что они пребывают в опасном заблуждении. От чувственности к нравственности нет постепенного перехода, который проходил бы через внешнюю благопристойность, перемена должна произойти посредством скачка, она должна быть не простым улучшением, а полным преобразованием, рождением свыше.

41 И. Г. Фихте «Первое введение в наукоучение» (Фихте 1993, 461–466).

Поскольку мы в ситуации, как она выглядит сейчас, не можем ни сойтись, ни разойтись, позвольте мне предложить ее полюбовное разрешение!

То, что я, с их точки зрения, не прав, это понятно, и об этом я больше не собираюсь с ними спорить. Но они, пожалуй, могут по-разному оценивать мою вину: или мои утверждения просто наглы и дерзки, и написаны как будто специально из желания им противоречить, или можно приводить основания для них и кое-что, по видимости, даже в их пользу. Надеюсь, что они, после того как прочитают это сочинение до конца, не станут полностью отвергать возможность последнего.

Они ведь должны ведь далее признать, что это учение в его следствиях не опасно. Если они правы, а я не прав, то худшим следствием будет то, что приверженцы и практические последователи этого учения станут благонамеренными мечтателями, лишаящими самих себя удовольствия, — но чем же *им-то* это навредит? Если они последовательны в своем способе мысли, то должны скорее радоваться и, со своей стороны, прикладывать все усилия к тому, чтобы устранить как можно больше противников и претендентов на их счастье. Они непоследовательны уже в том, что стремятся сделать других столь же умными и счастливыми, как и они сами, без того чтобы для них из этого получилось какое-либо преимущество, уже одно это должно было бы заставить их задуматься над тем, не лежит ли в основе их собственного способа действий более высокий принцип, чем они намерены признать.

В конечном итоге, в глубине их души тайно начинает шевелиться сомнение (я знаю это точно и способен это знать) — а не прав ли я, и они (я знаю это точно) не поставили бы на то, что я неправ, все свое счастье во времени и вечности; собственно, если они проверят себя как следует, они найдут, что охотно отложили бы размышления об этом до более подходящего времени. Пусть подождут этого более подходящего времени!

Если бы я один утверждал то, что утверждаю, им в любом случае еще охотнее поверили в том, что я фантазер и мой разум слаб. Но разве я совершенно один? Какого же не запятнавшего себя принадлежностью к той или иной партии теолога мне назвать? Тебя, отец Шпалдинг, чье «Назначение человека» заронило в мою юную душу первое зерно высшей спекуляции⁴², и все твои сочинения, так же как и названное, характеризует стремление к сверхчувственному и непреходящему, — возможно ты сможешь и захочешь выступить на моей стороне! А господин придворный проповедник Райнхард⁴³, который должен был быть в числе судей церковного совета Саксонии при разбирательстве моего атеизма и моих нападок на религию (у меня нет под рукой ни одного из его новейших сочинений, но я нахожу в одной научной газете объявление

42 Иоганн Иоахим Шпалдинг (1714–1804) — лютеранский теолог. Его «Размышления о назначении человека» впервые были опубликованы в 1748 г. и неоднократно переиздавались.

43 Франц Фолькмар Райнхард (1753–1812) — лютеранский теолог, придворный проповедник Саксонского двора с 1792 г. Член Дрезденской консистории, также подписавший ее отношение к курфюрсту от 29 октября 1798 г.

о новом сборнике его проповедей⁴⁴), что он мог сказать в проповедях «О радостной человеколюбивой вере в то, что на Земле должно стать лучше», «О том, что нельзя быть христианином без некоторой доли благородного воодушевления», «Об ощущении непреходящего, с которым христианин должен взирать на упадок всего земного», что в подобных проповедях мог сказать одухотворенный и основательный человек иначе, чем сказал я в той запрещенной статье и в этой, и что должен сказать каждый, кому дорога истинная внутренняя религия? А среди философов, ты, благородный Якоби⁴⁵, чью руку я пожимаю с полным доверием, сколь различно не мыслили бы мы в отношении голой теории, то, о чем здесь идет речь, ты высказал уже давно, и именно так, как я это мыслю, высказал мощно и горячо, как никогда не смог сказать я⁴⁶, душой своей философии ты сделал утверждение: «Бога узнают посредством Божественной жизни».

Итак, вот как все обстоит, и вот мое полюбовное предложение!

Пусть обе стороны отныне непосредственно не имеют никаких дел друг с другом. Пусть они обращаются к тем, в отношении которых они еще надеются найти доброжелательный прием для своего учения; я со своей стороны, буду делать то же самое. Пусть каждая из партий делает то, что считает нужным для того, чтобы получить ввне согласие с собой, но пусть каждая из сторон не наносит ущерба другой, лишь бы наши противники были честны и не использовали запрещенное оружие. Так же как я не стал бы, конечно, запрещать и конфисковывать их сочинения, определенно не стал бы запрещать посещение университетов, в которых они работают, и поносить их лекции, даже если бы я этого и хотел, пусть не делают этого, со своей стороны, и они. Пусть подождут, пока время решит наш спор. Я прошу лишь о кратком сроке. Если спустя десятилетие большая часть хороших умов и сердец не встанет на мою сторону, если затем даже многие из тех, кто сейчас яростно выступает против меня, полностью не согласятся с моим мнением, а прочие — по крайней мере, отчасти, то в таком случае я не скажу больше ни слова, пусть действуют против меня, как им угодно.

Саксонский церковный совет или другую коллегия, которая высказалась за рескрипт о конфискации и обвинение в атеизме, я не причисляю к своим

44 Фихте имеет в виду сборник проповедей Рейнхарда, произнесенных им на богослужениях при Саксонском дворе в 1797 г. (Reinhard 1798).

45 Фридрих Генрих Якоби (1743–1819) — немецкий писатель и философ. В октябре того же, 1799 г. отозвался критическим по отношению к философии Фихте сочинением «Письмо Якоби к Фихте». См. рус. пер.: Якоби 2006б.

46 В особенности: «Письма об учении Спинозы», со стр. 234 (второе издание), в книге: «Защита против Мендельсона», а также во всех его сочинениях. — *Прим. И. Г. Фихте.*

Упомянутые в примечании Фихте сочинения Якоби: 1) «Über die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn» (Jacobi 1785), — второе, расширенное издание вышло там же в 1789 г. (Jacobi 1789), в русском переводе существуют лишь Дополнения VI и VII ко второму изданию: Якоби 2006а; 2) «Wider Mendelssohns Beschuldigung betreffend die Briefe über die Lehre des Spinoza» (Jacobi 1786).

противникам, не только из-за неравенства отношений, но и вообще. У чиновников нет ни времени, ни призвания для основательного исследования таких предметов, в отношении них они вынуждены ориентироваться на сообщения своих ученых. Но выслушают ли теперь и примут ли к сведению эти чиновники также и *мое* сообщение? Увидят ли они, что означает публично, на глазах всей немецкой нации объявить атеистом и врагом всякой религии человека, в отношении которого (сейчас я собираюсь, как крайность, приписать им способ мысли моих противников и считать, что они признают за мной не больше, чем признают последние) все же не невозможно, чтобы он был прав и что его сочинение представляет собой скорее защиту религии, чем нападки на нее? Достанет ли им смелости признать, что они обязаны дать мне, пусть и самую малую из тех, что они обязаны, компенсацию за очернение моего доброго имени, за препятствия мне в сфере моей деятельности, и достанет ли протекающей отсюда смелости, чтобы дать мне эту компенсацию? Предоставим все это исключительно им самим, и тем более должны предоставить все это им, так как я в этом деле больше не заинтересован, только они, если у них есть интерес! Для меня их обвинение имеет значение только в отношении воздействия его на немецкую публику. Ныне я изложил дело непосредственно этой публике, и подавляющее большинство голосов будет *на моей стороне*, как я надеюсь, уже сейчас или, как я не надеюсь, а точно знаю, спустя несколько лет. Это может иметь для них лишь тот недостаток (я не думаю, что они скажут: «Эй, кто нам может навредить? У нас высокие должности, на что нам это?»), что после того, как высказано столь тяжкое обвинение, оно не будет снято, ведь это принесло бы им почет, доверие нации к их суждениям и влияние на всю литературу немецкого отечества, если бы они добровольно признались: «Мы непогрешимы в вопросах гражданского законодательства и судебных решений и требуем безусловного подчинения, но в суждениях, касающихся литературных обстоятельств, мы можем и заблуждаться, ведь мы — люди, здесь мы ошиблись и свободно и открыто признаем свою ошибку». Я считаю, что они способны на такое великодушие, а опыт покажет, не переоценил ли я их.

Этим сочинением я даю им возможность сделать это удобным образом. Их лейпцигская книжная комиссия наряду с первым номером, конфискованным рескриптом курфюрста, по собственной воле конфисковала и второй⁴⁷. Я открыто обвиняю их в этом. Если саксонский церковный совет распорядится возвратить этот второй номер, если он разрешит продажу первого номера при условии, *что моя нынешняя статья будет продаваться вместе с ними*,

47 Ныне, как кажется, они хотели бы это завуалировать. В аттестате, изданном от имени этой комиссии и подписанном книжным инспектором господином Мехау, который я держу в руках, сказано, что в книжных магазинах разыскиваются *первая и вторая статьи* первого номера (которые находятся ведь под одним переплетом с третьей и никогда не выходили *отдельно*). Согласно этому аттестату, в рескрипте сказано, что обе эти статьи содержат «грубейшие» атеистические выражения. — Прим. И. Г. Фихте.

См. также прим. 8.

поскольку она может послужить разъяснению многих сомнительных или легко вводящих в заблуждение выражений первых двух, или о каком-нибудь еще компромиссном решении, которое сможет найти его мудрость, если это распоряжение не будут скрывать как какую-то тайну, как это обычно происходит, а сделают достоянием общественности, то я с почтением отнесусь к такому великодушию.

Я обращаюсь к непредвзятым читателям, которые не принимали участия в споре, не выступали ни за, ни против мнений, высказанных в нем одной из партий. Намерением моего сочинения является осведомить этих непредвзятых читателей о данном споре и сделать их моими судьями. Только непредвзятых, ведь сколь мало мои противники могут требовать права голоса, столь же мало я могу требовать, чтобы были выслушаны друзья новейшей и даже новой философии; последние, которые могут вовсе не следовать моим выводам, более или менее согласны с моим принципом, принципом чистой моральности.

Я честно и ясно представил учение моих противников, согласно которому мое учение должно казаться им атеизмом, и свое, согласно которому их учение должно казаться мне суеверием и идолопоклонством. Теперь должны решать эти непредвзятые, сначала для себя самих, а затем, если они захотят, и публично, кажется ли им учение моих противников столь превосходным, а мое — столь ужасным, решать, согласно какому из них они хотели бы сформировать свой собственный духовный характер, решать, какое из описанных учений благотворнее для их сердца. Пусть они позволят мне еще только *одно* такое прикосновение к их сердцу, после чего я спокойно предоставлю их собственному размышлению.

Своим учением они делают вас сладострастными, посредством этого сладострастия — нуждающимися, посредством этой нужды — зависимыми, малыми и низкими. Начало вашего явления у вас, правда, не блестяще, вы находите себя сначала продуктом чувственного мира, прикованными к нему своими потребностями, бессмертным существом, нуждающимся в том, что есть лишь прах и пепел. Избавить вас от этого состояния можно лишь *одним* путем, посредством подъема до чистой нравственности, и вы определены и призваны к тому, чтобы идти этим путем. С того момента, как вы на него вступаете, ваша прежняя повелительница, природа, подчиняется вам и превращается в ваш послушный страдательный инструмент.

А они, руководствуясь самовлюбленностью, намерены выжечь на вашем бессмертном духе несмываемое клеймо вашего мнимого происхождения, поскольку они его одобряют и освящают. Поскольку они не собираются искоренить в вас вожделение, но пекутся о нем и превозносят его, и связывают с ним Бога, постольку они делают вашу нужду вечной.

Другое учение желает обратить в ваших глазах в ничто все то, что обычно вас изумляет, привлекает, пугает, поскольку закрывает ваше сердце для изумления, вожделения, страха. Вам достаточно лишь осознать свой чистый нравственный характер; оно обещает вам, что вы разузнаете, кто вы сами такие,

разознаете, что этот земной шар со всем его великолепием, к которому вы сумасбродно стремились в своей детской простоте, что это Солнце и тысячи тысяч солнц, окружающих его, что все Земли, о существовании которых вокруг этих тысяч тысяч солнц вы подозреваете, и не охватываемое никаким числом количество предметов, о существовании которых на этих небесных телах вы подозреваете, подобно тому, что вы видите на Земле, что в целом это неизмеримое Всё, одна мысль о котором приводит в трепет вашу чувственную душу и колеблет ваши устои, — что это не что иное, как смутный отблеск для смертного взгляда вашего собственного, замкнутого в вас и вечно развивающегося вечного существования. Оно обещает вам, что вы найдете чисто самодеятельный принцип и что вы, существуя лишь посредством сообразного с долгом действия, найдете, что не лишены наслаждения, но стыдитесь его, что все, существующее здесь как вещь, великолепие вашей Земли, и тысячи тысяч небесных тел, и целое неизмеримое Всё, одна мысль о котором возвышает вашу чувственную душу, — намного ниже вашей собственной духовной природы, и станете считать любовь к нему и затронутость им позором и осквернением вашего высокого достоинства. Оно обещает вам, что вы смело противопоставите вашу бесконечность этому неизмеримому Всё, одна мысль о котором потрясает вашу чувственную душу, и скажете: «Как я могу бояться твоей власти, направленной лишь против подобного тебе, и не касающейся меня? Ты изменяешься, а я нет, все твои превращения суть лишь спектакль для меня, и я всегда, невредимый, парю над руинами твоих форм. Меня не поражает то, что уже и сейчас действуют силы, которые разрушат сферу моей внутренней деятельности, называемую мной моим телом, это тело — твое и преходящее, как и все, что принадлежит тебе, но это тело — это не Я. Я сам буду парить над его руинами и его разрушение будет лишь спектаклем для меня. Меня не может поразить то, что уже действуют силы, которые разрушат мою внешнюю сферу, только начавшую становиться тем, что она есть, разрушат все светящие вам солнца и тысячи тысяч вращающихся вокруг них небесных тел, своим рождением вы обречены смерти. Но если среди миллиона солнц, светящих над моей головой, самое молодое из них уже давно испустило свой последний луч, то я останусь еще более неизменно и невредимо тем, кто я есть, и если из ваших руин образуется еще столько же новых солнечных систем, сколько есть ваших, светящих над моей головой, и самое молодое из них уже давно испустит свой последний луч, то я останусь тем, кто я есть сегодня, невредимо и неизменно, буду хотеть того, чего хочу сегодня, — исполнения своего долга, и следствия моих поступков и моего страдания пребудут, сохраняясь в блаженстве всех. Оно обещает вам, что вы будете свободно и бодро жить на вашей Родине, в сверхчувственном мире и по отношению к Богу. Вы — не его рабы, а свободные граждане его царства. Один и тот же закон, связывающий вас, составляет и его бытие, и вашу волю. Вы не попрошайки даже по отношению к нему самому, ведь вы не вожделеете ничего, чего он не сделал бы и без вашего вожделения; вы не зависите даже от него самого, ведь вы не обособляете

свою волю от его воли». «Внемлем Божеству в своей мы воле, и для нас оно покинет трон»⁴⁸.

А теперь вы, непредвзятые читатели, должны решить в самих себе, согласно какому из этих учений вы хотели бы образовать себя — согласно ли тому, которое вас унижает, или согласно тому, которое обещает невыразимо возвысить вас. То, как первое воздействует на человеческую душу, вы, без сомнения, знаете сами, мы все это знаем, ведь мы вынуждены пройти через этот способ мышления. То, сдержит ли второе учение свои великие обещания, вы, впрочем, отчасти можете взвесить с помощью способности воображения и размышления, если только вы имеете в распоряжении воображение и размышление не совсем низкого рода. Но поистине приобрести убежденность в этом вы можете лишь посредством того, что станете действительно делать то, чего оно от вас требует. Только бы эти описания смогли подвигнуть многих из вас к тому, чтобы совершить первую попытку в своем сердце! Если вы совершите ее на самом деле и будете обмануты, можете проклинать меня, как вам будет угодно!

На этом я откладываю свое перо в полном спокойствии, с которым я надеюсь завершить свое земное дело и отойти в вечность. Я должен был сказать то, что было здесь сказано, что случится далее — это уже дело других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ПРИМЕЧАНИЯМ

- Forberg F. K. (1991) «Entwicklung des Begriffs der Religion». *Appellation an das Publikum...: Dokumente zum Atheismusstreit um Fichte, Forberg, Niethammer. Jena 1798/1799*. Hrsg. von W. Röhr. Leipzig: Reclam (Reclams Universal-Bibliothek. Bd. 1179: Philosophie, Geschichte, Kulturgeschichte). S. 23–38.
- Jacobi F. H. (1785) *Über die Lehre des Spinoza, in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*. Breslau: Gottlieb Löwe.
- Jacobi F. H. (1786) *Wider Mendelssohns Beschuldigungen, betreffend die Briefe über die Lehre des Spinoza*. Leipzig: Georg Joachim Goeschen.
- Jacobi F. H. (1789) *Über die Lehre des Spinoza, in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*. Neue vermehrte Ausgabe. Breslau: Gottlieb Löwe.
- Reinhard F. V. (1798) *Predigten im Jahre 1797 bey dem Churfürstl. Sächsischen evangelischen Hof-Gottesdienste zu Dresden gehalten*. Sulzbach: J. F. Seidel.
- Гегель Г. В. Ф. (2021) «Вера и знание или рефлексивная философия субъективности в полноте своих форм как философии Канта, Якоби и Фихте». Гегель Г. В. Ф. *Вера и знание. Работы ранних лет*. Пер. с нем., вступ. статья, примеч. А. А. Иваненко. СПб.: Умозрение (Philosophia perennis). С. 157–286.
- Фихте И. Г. (1993а) «Первое введение в наукоучение». Фихте И. Г. *Сочинения в двух томах*. Т. 1. СПб.: Мифрил. С. 443–476.
- Фихте И. Г. (2006) «Система учения о нравах согласно принципам наукоучения». Фихте И. Г. *Система учения о нравах согласно принципам наукоучения. Наукоучение 1805 г. Наукоучение 1813 г. Наукоучение 1814 г.* Пер. с нем., вступ.

48 Вольная цитата их стихотворения Ф. Шиллера «Идеал и жизнь» (1795).

- статья В. В. Мурского. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (Профессорская библиотека). С. 43–346.
- Фихте И. Г. (2012) «Об основании нашей веры в божественное мироправление (Пер. с нем. А. А. Иваненко)». Иваненко А. А. *Философия как наукоучение: генезис научного метода в трудах И. Г. Фихте*. СПб.: Владимир Даль. С. 296–312.
- Якоби Ф. Г. (2006а) «Дополнения VI и VII к “Письмам об учении Спинозы”» (1789). Гаман И. Г., Якоби Ф. Г. *Философия чувства и веры*. Сост., вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч.: С. В. Волжин. СПб.: ПИЯФ РАН им. Б. П. Константинова. С. 170–197.
- Якоби Ф. Г. (2006б) «Письмо Ф. Г. Якоби к И. Г. Фихте» (1799). Гаман И. Г., Якоби Ф. Г. *Философия чувства и веры*. Сост., вступ. ст., пер. с нем., прилож., коммент., примеч.: С. В. Волжин. СПб.: ПИЯФ РАН им. Б. П. Константинова. С. 206–264.

APPEAL TO THE PUBLIC CONCERNING THE ACCUSATION OF THE EXPRESSION OF ATHEISTIC OPINIONS ASSIGNED TO HIM BY AN EDICT OF CONFISCATION IN THE ELECTORATE OF SAXONY, AN ESSAY WHICH IS REQUIRED TO BE READ PRIOR TO BEING CONFISCATED

J. G. Fichte

Translation and notes by Anton Ivanenko.

Anton Ivanenko

PhD in Philosophy, Associate Professor.

Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy.

Address: 7/9 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russia.

E-mail: antonivanenko@mail.ru

REFERENCES TO FOOTNOTES

- Fichte J. G. (1993a) “Erste Einleitung in die Wissenschaftslehre”. Fichte J. G. *Works in two volumes*. Vol. 1. St. Petersburg: Mifril: 443–476. (in Russian).
- Fichte J. G. (2006) “Das System der Sittenlehre nach den Principien der Wissenschaftslehre”. Fichte J. G. *Das System der Sittenlehre nach den Principien der Wissenschaftslehre. Wissenschaftslehre 1805. Wissenschaftslehre 1813. Wissenschaftslehre 1814* (tr., intr. by V. V. Mursky). St. Petersburg: St. Petersburg University Press (Professorial library): 43–346. (in Russian).
- Fichte J. G. (2012) “Über den Grund unseres Glaubens an eine göttliche Weltregierung (tr. by A. A. Ivanenko)”. Ivanenko A. A. *Philosophy as science of knowledge: the genesis of scientific method in the works of J. G. Fichte*. St. Petersburg: Vladimir Dal: 296–312. (in Russian).
- Forberg F. K. (1991) «Entwicklung des Begriffs der Religion». *Appellation an das Publikum...: Dokumente zum Atheismusstreit um Fichte, Forberg, Niethammer. Jena 1798/1799*. Hrsg. von W. Röhr. Leipzig: Reclam (Reclams Universal-Bibliothek. Bd. 1179: Philosophie, Geschichte, Kulturgeschichte): 23–38.
- Hegel G. W. F. (2021) “Glauben und Wissen oder die Reflexionsphilosophie der Subjektivität in der Vollständigkeit ihrer Formen als Kantische, Jacobische und Fichtesche Philosophie”.

- Hegel G. W. F. *Faith and Knowledge. Early works* (tr., intr., notes by A. A. Ivanenko). St. Petersburg: Mindvision (Philosophia perennis): 157–286. (in Russian).
- Jacobi F. H. (1785) *Über die Lehre des Spinoza, in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*. Breslau: Gottlieb Löwe.
- Jacobi F. H. (1786) *Wider Mendelssohns Beschuldigungen, betreffend die Briefe über die Lehre des Spinoza*. Leipzig: Georg Joachim Goeschen.
- Jacobi F. H. (1789) *Über die Lehre des Spinoza, in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*. Neue vermehrte Ausgabe. Breslau: Gottlieb Löwe.
- Jacobi F. H. (2006a) “Über die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn. Beylagen VI und VII” (1789). Hamann J. G., Jacobi F. H. *Philosophy of Feeling and Faith* (ed., tr., intr., suppl., comment., notes by S. V. Volzhin). St. Petersburg: PNPI named by B. P. Konstantinov: 170–197. (in Russian).
- Jacobi F. H. (2006b) “Jacobi an Fichte” (1799). Hamann J. G., Jacobi F. H. *Philosophy of Feeling and Faith* (ed., tr., intr., suppl., comment., notes by S. V. Volzhin). St. Petersburg: PNPI named by B. P. Konstantinov: 206–264. (in Russian).
- Reinhard F. V. (1798) *Predigten im Jahre 1797 bey dem Churfürstl. Sächsischen evangelischen Hof-Gottesdienste zu Dresden gehalten*. Sulzbach: J. F. Seidel.

Acknowledgments: *The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00746 “A Philosophy and theology in German classical idealism: a history of interaction and interpenetration”.*

DOI: <https://doi.org/10.31119/essephts.2021.6.1.5>

ESSE: Studies in Philosophy and Theology. Vol. 6. No. 1. 2021. P. 98–132.

© Anton Ivanenko, transl., notes, 2021.